

18+

ФАМИЛЬЯР

юлия ариноженова

Юлия Афиногенова
Фамильяр. Рассказы

«Издательские решения»

Афиногенова Ю.

Фамильяр. Рассказы / Ю. Афиногенова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597240-8

Эти рассказы не простые, они унесут тебя в мир магического реализма. Если тебе кажется, что волшебства не существует, попробуй заглянуть в свою душу. Под плотью спрятано самое прекрасное — то, чего нельзя увидеть замутненным взглядом, то, что откроется тебе лишь тогда, когда ты очистишь свое сердце для благих дел. Зло, что скрывается по ту сторону, будет мешать и может сбить тебя с верного пути, самое главное — не поддаваться тьме.

ISBN 978-5-00-597240-8

© Афиногенова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Фамильяр	6
Чернокнижница	6
Болотные феи	11
Волшебное озеро	14
Мелисса	16
Вторая жизнь	20
До	20
После	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фамильяр Рассказы Юлия Афиногорова

© Юлия Афиногорова, 2024

ISBN 978-5-0059-7240-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фамильяр

Чернокнижница

Я стою на заднем дворе нашего дома и наблюдаю, как пушистый черный комочек преодолевает препятствия в виде высоких снежных сугробов. Комочек ловко скачет по снегу, оставляя за собой вереницу маленьких следов от лап. Когда он, поднявшись на очередную снежную горку, срывается в новый прыжок, я слышу его тихое мяуканье.

– Маруся, кис-кис-кис! – зову я, и кошка в два счета преодолевает расстояние между нами и оказывается подле моих ног.

Она ластится и мурчит, а я чешу ее мягкий загривок с густым подшерстком.

Маруся трется об мои брюки своими ушами, щуря свои большие желтые глаза. Кажется, что она намного умнее, чем обычное животное. По ее взгляду я понимаю, что она видит меня насквозь.

– Не смотри так на меня, – отвечаю я на ее немой вопрос. – Я все сделаю, но позже.

– М-р-р, – глухо звучит ее голос, и она продолжает тереться об меня все требовательнее. – М-р-р, ты обещала, а сама проспала до обеда.

– Знаю-знаю, – вздыхаю я. – Ну не дается мне эта учеба.

– М-р-р, никуда не денешься, если хочешь стать приличной колдуньей, – Маруся немного отстраняется и садится в снег, буравя меня глазами, а потом начинает равнодушно вылизываться.

– Я даже суп не могу нормально сварить, не то что зелье, – фыркаю я, но Маруся не обращает на мои оправдания никакого внимания. – Мне всего-то шестнадцать.

– Суп я не ем, мр-р. А вот от лекарства против блох не отказалась бы. Вот только кто мне его приготовит, если не ты, мяу?

Я знаю, что она понимает каждое мое слово, как и я ее. Вернее, я слышу, как она издает обычные кошачьи звуки, но в голове моей они преобразуются в нормальный человеческий язык.

Эта черная добрая кошка – мой фамильяр. Иногда она бывает вредной, но я знаю, как она меня любит. Она только выглядит как животное, но на самом деле в ее теле живет некий дух, который приглядывает за мной, ведь я самая настоящая колдунья, как и мои родители. Она всегда рядом и помогает мне.

Она сама пришла ко мне однажды, когда мама и папа рассказали мне правду о нашей семье – магах-лекарях. Я нашла ее на пороге дома, когда вернулась из школы. Она уверенно проследовала за мной в дом, и я не стала прогонять ее, почувствовав, что нуждаюсь в ее присутствии.

Моя бабушка тоже была волшебницей и лечила людей – возле входной двери ее квартиры постоянно скапливалась толпа народа, пока дедушка их всех не разогнал и велел записываться заранее.

Бабушка была добрейшей души человеком и пыталась помочь всем и каждому, пока не заболела. Тогда люди стали возмущаться и вести себя ужасно – ломились в двери, требуя помощи, а не получая ее, сыпали проклятьями и обвиняли в черной магии. Неблагодарные вскоре забыли дорогу к бабушке, когда дедушка наслал на одного из них какую-то неприятную болячку.

К несчастью, бабушка не смогла справиться со своим собственным недугом, и дедушка до сих пор ужасно скучает: часто разглядывает старые снимки и хранит бабушкины рецепты зелий. Их квартиру до сих пор обходят стороной и шепчутся за углом, мол: «Вон в том подь-

езде жила злющая ведьма, которая поклонялась сатане, и дед ее тоже ненормальный, раз жил с такой».

Мне бывает очень больно, когда я слышу такие разговоры, но с людской натурой ничего не поделаешь, не насылать же на каждого чесотку или диарею, хотя иногда очень хочется. Поначалу я исподтишка наказывала обидчиков моей семьи, но потом мама все прознала и велела прекратить. И была она очень убедительна, когда сказала, что если я буду так себя вести, то никакой силы мне не видать. Я поверила.

И про сатану – все неправда. Мы не занимаемся никакой черной магией, а служим самой природе, читая ее и помогая всему живому. Иногда мир кажется мне странным, но в то же время таким лаконичным. Все, что в нем есть, интересное и правильное, во всем есть свой баланс. Иногда я слышу, как со мной общается вода, ощущаю сердцебиение самой Земли, чувствую мелодию ветра на энергетическом уровне. Природа, которую мы называем неживой, на самом деле живее всего живого, и нет ничего прекраснее быть ее неотъемлемой частью.

Плюс ко всему я стала слишком сентиментальной и обладаю невероятной эмпатией. Те, кто не знают о том, кто я такая, принимают меня за странную, когда я начинаю рыдать над каждой историей, которая может вызвать хоть каплю сочувствия. Все эмоции во мне усиливаются в разы.

В последнее время я живу будто бы в двух мирах – материальном и духовном.

– Мр-р-р, мяу, – желтые глазенки смотрят на меня с интересом, а черная шерстка с шоколадным отливом блестит на солнышке.

– Скоро весна, Маруся, – улыбаюсь я. – И обещаю тебе, что я буду стараться.

– Мр-р-р-р, – она снова трется об мою штанину, оставляя на ней немного блестящей шерсти.

– Красотка, надо тебя покормить.

– М-р-р, мяу. Хорошая идея, Астрид, – Маруся ложится и подставляет мне свой меховой живот, а я не могу сдержаться, чтобы не запустить руки в приятную шелковистую шерсть.

Вечером возвращаются родители, и я, как примерная дочь, склоняюсь над чугунным котлом, подвешенным под потолком в углу кухни, и варю нечто похожее на снадобье для восстановления суставов (по крайней мере так написано в книге), но мне это не очень удается: странная коричневатая жидкость дурно пахнет – запах полыни, смешанной с трехдневными носками.

– Должен быть чистый красный цвет, и пахнет совсем не так, – говорит мама, склоняясь над моим варевом и затыкая нос двумя пальцами.

А потом вдруг жидкость начинает кипеть и пузыриться.

– Мр-р, фш-ш, что сейчас будет, – Маруся пробегает мимо нас, чуть было не сбив меня с ног.

Тошнотворно пахнущее зелье пенится и шипит, начинает валить густой пар, а потом все выливается через край. Я спешу потушить огонь, но это не помогает – все содержимое котла оказывается на полу, а внутри не остается ни капли.

– Да в чем дело-то?! – вскрикиваю я, хватаясь за голову, а мама только качает головой, берет тряпку побольше и вытирает лужи, пока я иступленно наблюдаю за процессом.

– Хм. Пятый раз за неделю? – в комнату заходит папа и ухмыляется, смотря на наши с мамой озабоченные лица.

– Ну никак не выходит, – я всплескиваю руками.

– Да-а, – протягивает папа. – И это потомственная ведьма.

– Эй, – мама хмурится и недовольно сморит на отца, а тот только ехидно смеется и уходит к себе в кабинет.

Вообще, он много времени проводит в своем прибежище, развалившись в кресле и смотря какую-нибудь передачу по телевизору, отдыхая так от работы. Но чаще он выгоняет

всех из кухни и подолгу готовит что-то из своих фирменных блюд или варит зелья для пополнения запасов. Завтра выходной, поэтому сегодня он расслабляется.

– Ничего, еще несколько неудач и все должно получиться, – успокаивает меня мама с натянутой улыбкой.

– Ну да, ну да, – протягиваю я, помогая маме прибраться. – После того как разнесу кухню в пух и прах.

Ночью я сплю и вижу странный тревожный сон. Моя комната видится мне будто бы в черно-белом свете. Я лежу и не могу пошевелиться, и чувствую нарастающее напряжение. Это похоже на сонный паралич, который связывает твоё тело, не давая двинуться с места. Я прекрасно осознаю, что сплю, но не могу встать с кровати, будто тело мое сковали сотни цепей.

Вдруг в углу комнаты я вижу тень, которая становится все больше и четче, а потом начинает двигаться в мою сторону.

Сначала я паникую, но потом, взяв себя в руки, сжимаю кулаки и изо всех сил пытаюсь проснуться. И мне это удается, только голова болит, и я ощущаю сильную слабость во всем теле.

Но каково мое удивление, когда, пытаюсь уснуть вновь, я сквозь сон слышу звук разбивающегося стекла. Бросаю сонный взгляд в окно, едва разлепив глаза: в окне вижу маленькую фигурку скорченной в три погибели старухи. Ее всклокоченные волосы серебрятся в свете луны и шевелятся от ветра. Она одета в грязные лохмотья, которые плохо скрывают горб на ее спине. От нее странно пахнет паленым.

Я плохо вижу ее лицо, но от моего взгляда не укрывается длинный крючковатый нос – ну натуральная ведьма из детских страшилок. И лицо у нее какое-то странное, только не получается разглядеть в полутьме. Так могут выглядеть только чернокнижницы. Вот они-то и поклоняются всякому демонскому отродью. Мне про них рассказала мама. Говорят, что они такие страшные до тех пор, пока не съедят новорожденное дитя, а после трапезы превращаются в молодых и красивых женщин.

Ведьма кряхтит и страшно дышит: тяжело и громко.

Я тяну на себя одеяло и прижимаю колени к груди, безуспешно пытаюсь быть от этой странной старухи подальше.

– Чур меня! – что есть мочи кричу я. – Убирайся!

Ведьма рычит, скривив беззубый рот в улыбке.

– Пошла прочь, тут нет младенцев!

Ведьма хохочет, встряхивая головой, и лицо ее на миг освещает луна, и у меня все внутри холодеет от жуткого зрелища: обезображенная огнем обугленная кожа свисает со щек и лба так, что ее можно стянуть с черепа словно перчатку.

Она издает что-то вроде полустонов-полувоплей, сквозь которые прорываются лающие хрипы, и протягивает ко мне свои костлявые руки, похожие на стальные когти.

Обезображенная ведьма становится все ближе и ближе к моей кровати, на которой я свернулась калачиком, не в силах шевелиться и вообще соображать от страха.

Тут дверь в мою комнату с силой распахивается, ударившись об стену. Сыплется штукатурка и раздается громкий рык – в комнату врывается черный вихрь и начинает кружить вокруг ведьмы.

Карга падает с подоконника на пол, отбиваясь от круговерти, не дающей ей подняться на ноги. Она выкрикивает проклятья и читает заклинания на древних языках, призывая демонические силы на помощь.

А вихрь только разрастается и разрастается, перекрывая ведьме кислород. Она начинает хрипеть, хватаясь за горло руками и хватая ртом воздух, но продолжая читать свои черные молитвы.

Видимо, молитвы помогают, так как вихрь начинает ослабевать, а ведьма поднимается с пола.

– Рр-р, фш-ш-ш-ш! – вихрь оборачивается черной кошкой.

Выпустив когти, Маруся набрасывается на чернокнижницу и одним рывком вгрызается в ее морщинистую шею.

Ведьма визжит и пытается оторвать от себя кошку, но зубы животного впились очень глубоко.

Ведьма вновь сыплет проклятиями, что помогает ей освободиться от зубов Маруси. Кровь из раны брызжет во все стороны, забрызгав светлый ковер, а ведьма зажимает укус ладонью.

Маруся падает на пол прямо на лапы и рычит, показывая карге острые белые клыки.

Воспользовавшись моментом, я хватаю с прикроватной тумбочки торшер и запускаю его прямо в голову ведьмы. Осколки от лампочки разлетаются, а прислужница сатаны кричит от боли, хватаясь свободной рукой за рассеченный лоб и вынимая из него стекло.

Тем временем Маруся готовится к новому прыжку, но ведьма реагирует молниеносно. Она хватается крючковатыми пальцами летящую на нее кошку, забыв о кровоточащих ранах, и происходит ужасное – острые когти чернокнижницы впиваются в живот кошки, и она падает вниз, но уже не приземляется на лапки.

– Тварь! – кричу я что есть мочи. – Ты убила ее! Ты убила моего друга!

Слезы льются из моих глаз, когда я смотрю на обмякшее пушистое существо на полу.

Я подскакиваю прямо навстречу ведьме, готовая убить ее голыми руками, но в этом уже нет необходимости – глаза ее закатываются, и она медленно оседает и тяжело бухается на пол рядом с Марусей, словно мешок с картошкой. Вокруг столько крови.

Потом происходит что-то странное – мертвые тела превращаются в черную дымку и растворяются в воздухе. Даже кровь с пола, шипя, испаряется, не оставив никаких следов.

– Маруся! – кричу я, захлебываясь слезами и падая на пол, где только что лежало тело моего маленького друга.

И – о, чудо! – в разбитое окно вновь врывается вихрь и превращается в черную кошку. На подоконнике сидит Маруся и как ни в чем не бывало вылизывает свои лапки.

– Кис-кис-кис! – я осторожно подхожу к своей спасительнице, и ее желтые глаза пристально наблюдают за мной. – Маруся, это ты?

– Мр-р, а ты ждала кого-то другого?

Я хватаю ее и прижимаю к себе, а кошка отвечает мне громким урчанием. Какое счастье! Она цела и невредима.

– Что случилось? – В мою комнату с бешеными глазами вбегают родители. – Мы слышали шум, но не могли проснуться.

Уже на следующий день мы узнаем, что в соседней деревне сгорела ведьма. Кто-то из соседей влез в ее дом ночью и поджег ее спящей. По древнему поверью, в ночь, когда умирает ведьма-чернокнижница, ее дух может явиться за молодой колдуньей и забрать ее душу в мир мертвых, чтобы обменять ее жизнь на свою.

Мой фамильяр спас меня, самоотверженно кинувшись в бой.

– Осталось восемь жизней, – шепчет мама, прижимая к груди Марусю и глядя ее по блестящей шерстке.

– Прости, – тихо говорю я, глядя на кошку.

– Это ее долг, – мама отвечает мне вместо Маруси.

– А кем были ваши фамильяры? – интересуюсь я, глядя на родителей.

– Мой был синицей, – отвечает мама.

– А мой – псом, – папа отрывается от чтения газеты и лицо его становится печальным. – Жаль, что они оставляют нас, когда приходит время.

– Как бы я хотела, чтобы Маруся всегда была рядом, – вздыхаю я.

– Мр-р, я буду с тобой, глупышка, – Маруся от удовольствия щурит свои большие глаза, пока мама чешет ее за ушком. – Пока ты во мне нуждаешься.

Болотные феи

« Введение в травологию для юных магов-лекарей. Предостережение.

Болота – кладезь лечебных растений и лекарственных трав, которыми опытная ведьма-знахарка или маг-лекарь может запастись на целую зиму. Важное правило, о котором необходимо помнить: болота никогда не отдают больше, чем это необходимо. Если попробуешь взять лишнее, топи погубят тебя. На болотистых местностях обитают опасные создания – покровители болот: русалки, водяные, лесные ведьмы и болотные (или грибные) феи.

Духи трясины вместе со своей магией могут помогать лекарям, а могут и вредить – все зависит лишь от того, каким образом с ними взаимодействовать. А поведение их может быть непредсказуемым. Поэтому мудрые маги-лекари стараются избегать посещения болот – в особенности после полуночи и в час ведьм (три часа ночи) или во время шабаши – и отпугивать духов разными известными способами. Важно использование оберегов».

Сухая теория, как всегда, вгоняет меня в сон. Я ужасно сильно жду похода на лесные топи. И я могла бы пойти сегодня, если бы не Вальпургиева ночь (30 апреля).

Вторую неделю наша семья проживает в гостях у маминой сестры в Чехии в небольшом деревянном домике рядом с лесом. Моя тетя больна, и мы всеми силами пытаемся помочь победить ее странный недуг. Им болеют только маги. Что он из себя представляет? Ожоги по всему телу после применения магии. Тетя взяла у природы слишком много, чтобы вылечить свою дочь, и теперь, чтобы восстановить баланс, магам пришлось объединиться для совершения различных ритуалов. Пока все идет нормально.

Я собираюсь за корневищами болотного аира – полезная вещь для улучшения пищеварения. Вода еще не совсем ушла из низин, но мне уже не терпится попытать удачу и заняться сбором, да и просто прогуляться по лесу, вдыхая сырой воздух, наполненный запахами мха и тлеющей травы. Нельзя было придумать ничего лучше для человека, любящего уединение.

Я решаю не утомлять себя беседами с болтливой тетей и, когда все ее внимание захватывает моя мама, ускользаю из дома на цыпочках. Если честно, мне тяжело смотреть на лицо тети, сплошь покрытое ожогами. Надеюсь, что они когда-нибудь исчезнут. Никогда не буду колдовать во вред природе, бр-р-р.

Теплый вечер. Сегодня почти не было дождя, лишь немного морозящей влаги опустилось на траву, и воздух наполнился сыростью.

Мои старенькие наручные часы показывают шесть вечера, когда я переступаю порог дома и направляюсь напрямиком в лес, прихватив с собой корзинку и острые инструменты для сбора, чтобы достать корневища, засевшие глубоко под землей. Еще совсем мало времени, я должна вернуться домой до полуночи. Ничего страшного случиться не должно.

Давно не было видно Маруси. Иногда она уходит на несколько дней и неожиданно возвращается всегда в разное время. Каждый раз, когда она исчезает, я боюсь, что она не вернется. Иной раз она пропадает надолго, и я начинаю видеть ее в каждой черной соседской кошке, но, подходя поближе, понимаю – это не мой друг. Но даже несмотря на то, что я не вижу своего фамильяра рядом с собой каждый день, я ощущаю ее магическое присутствие. Оставаясь невидимой, она приглядывает за мной – я это чувствую.

Спустившись вниз по склону, я понимаю, что почва еще совсем влажная и кое-где стоит вода. Ладно, если болота затоплены, не беда, я еще успею совершить сбор, с пустыми руками не останусь. Но нужно проверить – а вдруг получится! Как говорит тетя, нужно пройти по деревянному мосту через ручей, пересечь поляну и свернуть направо у каменных развалин (когда-то на их месте стоял храм), потом нужно пройти небольшую рожицу с японскими ивами, спустившись еще ниже, а там и покажется болото.

Преодолев шатающийся мостик, я чуть было не ныряю в воду – пора бы починить прогнившие доски – и вижу полуразрушенную каменную постройку. Где-то в траве обнаруживаю забытый ржавый крест. Церковь не совсем одобряет то, чем мы занимаемся, но скорее дело в том, что магов-лекарей путают с черными магами, чернокнижниками и прочими. Это так несправедливо, ведь мы не желаем людям зла. За всю историю лекарей часто обижали, а стоило нам начать защищаться, так нас уже вели на костер на площади, заполненной улюлюкающей толпой. Люди всегда боялись того, чего не могли понять, а ведь мы не переставали помогать им, когда их дети оказывались на грани смерти из-за запущенной ветряной оспы или обычной простуды.

Пробираясь сквозь японские ивы, которые росли так плотно, что сложно было пройти через рощу, не зацепившись одеждой или волосами за изогнутые голые ветви, я ощущаю, как сырая лесная подстилка из прошлогодней листвы, хвойных иголок и ветвей проваливается под ногами. Почва издает хлюпающие звуки при каждом моем шаге. Не успев ничего понять, я поскользнулась на большой склизкой ветке, корзинка с инструментами вылетает из моих рук, и я кубарем качусь вниз по склону. Кажется, что я лечу вниз целую вечность, пока не чувствую тупую боль на своем виске. Сознание отключается.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я наконец-то прихожу в себя, открываю глаза и смотрю в непроглядную темноту. Защитный амулет панически вибрирует на моей груди. Пытаюсь подняться на ноги и чувствую сильную головную боль. Виски будто сжимают железные тиски. Моя одежда пропитана влагой и перепачкана холодной почвой, отчего мне сложно сдерживать дрожь.

Среди черных стволов сосен я вижу свет от костра, и он совсем близко. Слышу пение, и с ужасом понимаю, куда попала. Наверное, уже слишком поздно. Глаза немного привыкают к темноте, и я смотрю на наручные часы – стекло разбито и наполнено водой, а часовая стрелка беспомощно болтается взад-вперед. Если ведьмы заметят меня – пиши пропало, я уже никогда не смогу выбраться из этого леса.

И я бегу в противоположную от костра сторону, не разбирая дороги. Ноги сами несут меня. Почти ничего не видно. Пробираюсь сквозь кусты, которые предательски хрустят и рвут на мне одежду, но я не останавливаюсь – лишь бы быть подальше от этого места. Мне мерещится, что ведьмы бегут за мной и тянут ко мне свои костлявые руки, хватая меня за волосы, ноги и руки, не давая бежать. Они пытаются удержать меня в лесной чаще и похоронить навечно в топях, полных слизней, жаб и прочей мерзкой живности.

Я бегу до тех пор, пока не вижу перед собой странное зеленое свечение. Смешанный лес остается позади, и я оказываюсь в дубовой роще. Чем ближе я подхожу к свету, тем больше не верю своим глазам. Высокий дуб с толстым стволом и раскидистыми ветвями, стоящий прямо посреди болота, весь охвачен зеленым ореолом, кора дерева будто подсвечена изнутри. Ствол сплошь покрыт поганками и мухоморами немыслимых размеров. Кажется, будто грибы дышат и у них есть сердцебиение, с каждым ударом сердца они разгораются изнутри фиолетовым свечением. На ветвях дуба висят маленькие фонарики, слабо освещающие набухшие почки с уже кое-где проклюнувшимися молодыми листьями. От величественного дерева исходит удивительно успокаивающее ощущение чего-то огромного и мудрого.

Рядом со стволом я вижу большую мерцающую сферу, часть ее поверхности прозрачна, и внутри видна какая-то дымка, принимающая форму полумесяца. А потом сфера рассыпается на миллионы мелких искр, и из нее вылетает стайка маленьких крылатых созданий. Они кружатся вокруг дуба и исполняют в воздухе ритмичный танец.

Из-под торфа начинают подниматься удивительные растения. Они никак не могут расти здесь посреди болот, да и еще в такое время года! Гигантские цветы Раффлезии Арнольди. Кровоостанавливающая «трупная лилия» чудесным образом переместилась с Филиппин или полуострова Малакка сюда – в небольшой и ничем не примечательный чешский лес. А вот и моло-

чай Хандия, чудесным образом помогающий при опухолях и выведении камней из почек. Напоминающая часики пассифлора, спасающая от столбняка. Разноцветный ковер из редких диковинных растений поражает своей сказочной красотой. Если я принесу все это богатство домой, возможно, получится применить их для лечения тети, да и давно нужно было пополнить нашу кладовую, сильно опустевшую за долгую зиму.

Я бросаюсь к прекрасным растениям и срываю их, раскладывая по карманам. Чуть дальше, почти у самого дуба, я вижу драгоценный ажурный трихозант. Я уже мысленно варю из него лекарство от бронхита. Белый цветок должен непременно попасть в мои руки, просто нужно как-то до него дотянуться. Я падаю на корточки и ползу вперед, протягивая руки к растению, но вдруг перед моим носом возникает черный дым, словно из воздуха. Дым пролетает над моей головой и оборачивается черной кошкой. Я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. Я тут же прихожу в себя и отскакиваю назад. Мои руки запачканы торфом, а сапоги уже наполовину затянуло в трясины. С силой вытягиваю ноги из болота и отползаю на безопасное расстояние. Перед моими глазами удивительные растения начинают вянуть, пока не превращаются в пыль. Я слышу, как крылатые создания, не прекращающие танцевать в воздухе, хохочут, и их стеклянный смех разливается по болоту.

Чувствую, как Маруся трется о мой бок своей черной шелковистой шерсткой:

– Мр-р, идем домой, – мурлычет она. – Нам пора.

Мой верный друг снова помогает мне. Еще немного, и я бы распрощалась со своей жизнью. Ох, и попадет мне от мамы по возвращении домой. К сожалению, мне не удастся принести в кладовую ни одной травинки, в своих карманах я обнаруживаю одну лишь пыль. Никогда больше не пойду на болота в такой день. Наверное, стоит еще немного почитать теории, прежде чем отправляться в лес, как бы мне не хотелось корпеть над книгами.

Волшебное озеро

Обычное июльское утро встречает меня прохладой, а потом медленно разогревается. Мне вздумалось прогуляться по холмам и пособирать землянику. Хотя она бывает только на одних этих холмах, желающих сорвать ее оказывается немало, но сегодня никого нет.

Иду долго по бесконечным полянам и холмам, а когда корзинка до краев наполняется спелой ароматной ягодой, я решаю немного позагорать возле воды. Мелкий-мелкий песок приятно щекочет босые ноги, и весь мир вокруг дышит такой умиротворенностью и спокойствием. Чтобы было мягче лежать, стелю платок прямо на полянке из клевера, раздеваюсь до нижнего белья и устраиваюсь поудобнее. Вокруг не видно ни души. Закрываю глаза, и почти сразу меня охватывает дремота. Я почти проваливаюсь в сладкий сон. Но нет, засыпать нельзя – слишком жаркое солнце, так и до солнечного удара недалеко. Вздрагиваю от какого-то шемящего чувства в груди и открываю глаза. Голова немного кружится. Мне кажется, что что-то изменилось. Поднимаюсь и подхожу к песчаному обрыву. Перед моими глазами большое озеро, а посреди него виднеются каменные островки. Сажусь на песок и свешиваю ноги с обрыва. Песок совсем не горячий – очень даже приятный на ощупь – и такой мягкий, как пыль.

Над головой поют птицы, а вокруг островка крутится большая серебристая рыбка. Спинка ее отблескивает в свете солнца.

Надо мной склоняют головы большие зеленые ивы. Странно, вроде бы они тут не росли. Озеро завораживает меня. На первый взгляд, оно ничем не отличается от остальных озер, но потом, когда солнце начинает клониться к закату, я вижу, как на поверхности островка начинают вырастать каменные замки-крепости, становясь все выше и выше. Вода в озере пребывает, и на его поверхности появляются волны, точно в море, – я слышу их шум. С оглушительным ревом из-под воды поднимается огромное морское животное – кит. Он полностью выныривает из глубины, словно дельфин, вновь скрывается под водой, отчего вода на мгновение выходит из берегов. В розовом небе медленно проплывают дирижабли, чуть было не задев верхушки таинственных замков. Окна с красочными витражными стеклами поблескивают в лучах краснеющего солнца, которое готовится ко сну.

Все вокруг – песчаные берега, каменный остров, замки и деревья – излучает магическое свечение, мягкую белую ауру, которая мерцает, то разрастаясь, то убывая. Таинственное жемчужное сияние – источник мистического озарения, оно как бы впитывает в себя все окружающее, и невидимый взгляду источник как бы подсвечивает все вокруг. Этот световой фон – не настоящий свет, а его видимость. Мне кажется, что я вижу ангелов в отражении воды, в небе и воздухе. Я их слышу, они звучат внутри меня и говорят: «Все в порядке, так и должно быть. Так устроен мир. Смотри, эта реальность намного материальнее, она настоящая. Сейчас ты видишь истину».

Гигантский кит испускает бурный фонтан из своей спины, который окатывает все вокруг. Мелкий дождик идет на протяжении нескольких мгновений и освежает. Капли попадают на мою золотистую от солнца кожу, и я пробую их на вкус – соленая. Вода в пресном озере стала морской! Это восторг! Всю меня переполняет поистине прекрасное окрыляющее чувство. Я хочу остаться в этом месте навсегда. Неужели я умерла и попала в рай? И я задумалась – куда же попадают маги-лекари после смерти? Ведь несмотря на нашу природу, наше сверхъестественное происхождение, мы несем добро. Суждено ли нам обрести покой и парить в небесах вечность, чувствуя лишь умиротворение и счастье, как верующие смертные?

Вдруг я просыпаюсь, ощущая, как о мой бок трется что-то мягкое. Я слышу мурчание кошки.

– Маруся, – бормочу я, не желая отпускать сладкий сказочный сон. Как же не хочется вновь возвращаться в серую реальность. – Кажется, я побывала в раю.

Таких ярких красок не бывает в обычной жизни. Это не мог быть просто сон.

– Рановато тебе в мир иной, мр-р-р, – Маруся тычется в меня влажным носом. – Чем мне заниматься, если не придется тебя спасти?

Я поднимаюсь и чуть было снова не падаю в клевер. Голова кружится, и земля уходит из-под ног. Солнце все так же сильно палит. Надеваю платье, и как только ткань касается моей кожи, чувствую, как горит спина и руки – солнечный ожог. Сколько же я проспала?

– Теперь облезешь, как змея, фр-р, – Маруся садится на клевер и принимается вылизывать лапки. – Осторожнее с этим озером – оно волшебное. Здесь можно уснуть навсегда или исчезнуть, мр-р.

Сколько загадочных мест вокруг, окутанных магическим флером. Иногда люди пропадают без вести в собственном саду, что уж говорить о лесах и болотах.

Я вздыхаю. И что бы я делала без тебя, мой друг. Который раз ты спасаешь мне жизнь. И я благодарна тебе до невозможности. Кажется, тебе придется быть со мной вечно, ведь жизнь постоянно готовит мне все новые испытания. Каждый раз ты каким-то образом оказываешься рядом, и только ты знаешь все мои секреты – мой фамильяр.

Мелисса

– Несем сюда, скорее! В лазарет ее! – слышу голос мамы. Спросонья не понимаю, что происходит. – Давай, давай. Аккуратнее!

Еще несколько секунд лежу в постели и борюсь со сном, который затягивает меня обратно в мир безмятежности. Но все-таки решаю встать и посмотреть, в чем дело.

Причесываю свои непослушные золотистые волосы, которые сильно отросли с весны, когда я в последний раз позволила безжалостно отрезать их по плечи. Сейчас же уже подул прохладный сентябрьский ветер, оставив позади теплые деньки.

Я натягиваю на себя спортивные брюки, носки и растянутый свитер, а потом выхожу в коридор. Дверь лазарета действительно приоткрыта. Оттуда слышу звук бурлящего котла и за ними вижу незнакомую полную женщину в цветочном халате и мою маму, которая хлопочет у котла, закидывая в него пучки трав и какой-то шипящий порошок. Тяну носом воздух – он пропитан ароматами трав и какого-то едкого, странного лекарства.

– Надо было сразу к вам, а она... ох... – вздыхает раскрасневшаяся женщина в халате, – а то замолчала, дотянула...

– Ничего, ничего, – отвечает мама, продолжая забрасывать в котел ингредиенты для снадобья. – Сейчас все сделаем. Она выдержит, бывало и хуже.

Я на цыпочках подкрадываюсь поближе к дверному проему, но никак не могу разглядеть, кто лежит на койке, застеленной белой простыней. Головы не видно. Понимаю только, что это молодая девушка-школьница, судя по ее бежевому сарафану, накрахмаленному белому переднику, белым чулкам и красным лакированным туфелькам. В такой форме я обычно хожу в школу. Но кто же эта девушка и знаю ли я ее лично?

– Сколько ей лет?

– Пятнадцать.

– А срок какой?

– Не знаю, молчит. Не признается, – громко вздыхает женщина, руками стирая пот со лба.

– Сейчас взгляну. Ага, уже примерно шесть недель. Много...

– Можно что-то сделать?

– Думаю да. Еще бы немного... плод замер.

– Ох...

– Приподнимите ее, я дам обезболивающее, – говорит мама.

Слышится возня. Девушка стонет то ли от боли, то ли от недовольства от того, что к ней прикасаются.

Я припадаю ухом к двери и немного заглядываю внутрь.

– Не могу, не могу, – мычит девчонка.

– Можешь, – говорит моя мама. – Пей, будет легче.

Между моих ног пробегает черная кошка: «Ой, чувствую беду, мр-р!»

– Пей, пей, деточка, – добавляет женщина в халате, и голос ее дрожит. – Ну вот, молодец.

– Приподнимите ее повыше.

– Ага, вот так.

– Помогите раздеть.

Не в силах справиться с любопытством, засовываю голову в проем. Нет, лицо мне незнакомо: длинные блестящие черные волосы раскиданы по подушке, черты лица мелкие и резкие, больше смахивающие на мальчишеские. Вся бледная, лишь небольшие пятна румянца на впалых щеках. Хрупкая, худая, лежит неподвижно, словно кукла, с которой поиграли и выбросили.

– Дочь, уйди! – замечает меня мама. – Тебе говорю, Астрид! Не стой тут, закрой дверь. Потом позову, если понадобится.

Я подчиняюсь не без доли обиды, но продолжаю подслушивать за плотно закрытой дверью. Почему все самое интересное всегда происходит без меня? Вчера приходил мужчина с аллергией, позавчера – женщина с болью в суставах. Обычные повседневные случаи, но сегодняшний – не из таких. Но моя помощь здесь не нужна, меня прогоняют.

– Давайте буж. Ага, вот этот. Подвиньте ее спиной к стене, – распоряжается мама.

Девчонка издает невнятное бормотание сквозь сон.

– Вот так, подайте мне вон ту спицу, которая потоньше, – я слышу звяканье металлических инструментов.

– Ой, острая какая.

– Велена, не трогайте! Ну вот, стерильность нарушена. Теперь давайте другую.

– Простите.

– Ага, вот так.

Девушка тихонько постанывает и замолкает.

Я слушаю как завороженная и боюсь пошевелиться. Тишина. Лишь отвар бурлит в котелке.

Проходит еще какое-то время, а я все стою, как приклеенная, прислонив ухо к тонкой деревянной двери, за которой проходит операция.

Я уже такое видела однажды, но тогда была взрослая женщина. У нее было кровотечение.

Вдруг Велена прерывает тишину:

– Я домой пришла, а она по лестнице носится вверх-вниз. Говорит, думала избавится так, а потом плохо стало. Вся съежилась, сознание потеряла. Эх, у нее ни матери, ни отца не было никогда. Я ее подобрала. Совсем смотреть некому за дитем. Странная, дикая, как полевой зверек. Ох...

– Пусть так полежит, я пока выпишу лекарства, – говорит мама. – Не пропускать ни в коем случае.

– Да как я... насильно ей запихну в глотку? Как же я... – причитает женщина. – Не любит она их.

– Тогда летальный исход, – отвечает мама со спокойствием опытного лекаря.

– Какой исход?

– Не выживет она без лекарств и должного ухода. Слабая.

– Ой, за что ж мне это все! – завывла Велена.

– Слезами тут не поможешь. Нужно лечение. А если не пообещаете все делать, как должно, то оставляйте девчонку у меня.

– Ой, не знаю. Волнуюсь за нее. Как вы с ней справитесь? Сможете? Точно выживет? – сыплет вопросами напуганная женщина. – Ой, если не выживет, то сама помру.

– Глупостей не говорите. Еще не с такими справлялись, – говорит мама.

– Простите. Будь по-вашему, – сдается Велена, и слезы ее затихают.

– Как зовут, не спросила?

– Мелисса.

Так Мелисса поселилась в нашем доме. Странная, немногословная девочка, на вид лет тринадцати – какие уж там пятнадцать! Страдающая малокровием, эпилепсией, замученная сверстниками за свои отличия от них.

Еще она плохо ест, что привело к сильной худобе. Она словно шарнирная кукла – высокая, шуплая. А в ее больших глазах страшная обреченность.

Иногда она перестает молчать и может рассуждать подолгу, сидя рядом со мной где-нибудь в саду или у реки. И рассуждает она о том, как тяжела жизнь. Кажется, что внутри она старше всех, кого я только встречала.

Она сказала, что никакая сила в мире не избавит ее от мучительных проблем. И она почти смирилась со своей судьбой, называя ее проклятием. Такая в ней грусть, что каждый раз, беседа с ней, мне становилось не по себе.

Мелисса призналась, что видит страшные сны, и все они о боли и смерти. Видит, как страдают люди, и так она им сочувствует, что вбирает их боль в себя, перенимает их судьбу, подменяя ее на другую.

Моя мама называет таких людей спасителями, благодетелями, живыми оберегами. Она говорит, что люди с такими способностями, за всех страдающие, обязательно попадут в рай. И обычно их забирают очень рано. Вот только переживает Мелисса за свою душу, ведь совершила она грех.

– Не смогла я до конца принять свою судьбу, – говорит она мне, чуть плача. Я накрываю девчонку теплым одеялом и пою успокоительным отваром, который сама для нее сделала. – Нужно было смириться со своей долей. А теперь из-за меня погибла одна душа. Мне нет прощения.

– Ты и так много страдала, – говорю ей я, но она мотает головой.

– Нет, недостаточно, – вздыхает она, а потом закрывает глаза и быстро засыпает. Отвар действует.

Я смотрю на Мелиссу, как на тотем, идол или священный артефакт. Люди никогда не смогут понять тех, кто на них не похож. У таких, как эта девочка, своя благородная миссия.

Она сказала, что в тот раз должны были напасть на девочку десяти лет. Затащили бы в кусты и все тут – пиши-пропало. Она ей приснилась, привиделась – называйте как хотите. А потом Мелисса пошла искупаться на реку, и там к ней подкрался молодой парень – сын рыбака. Очнулась она ночью в песке, вся голая и избитая, с дырой в голове. И не призналась никому ни в чем в тот день.

Но Мелисса парня не выдала. Он сам потом раскаялся в местной церкви и сдался. А потом вся наша деревня смотрела, как его ведут со связанными руками и сажают в повозку. Меня тогда не пустили смотреть, вот я толком ничего и не поняла. Повозка уехала, оставив людей плодить сплетни. А я потом слышала лишь отрывки разговоров. «Ну и пусть, – сказала Мелисса, поделившись со мной своей тайной. – Главное, что он признался».

Так меня удивляет огромная сила и мудрость, скрытая в этом хрупком создании в теле ребенка. И все больше я поражаюсь нашему миру, в котором запрятано столько чудес.

– Твой фамильяр, – говорит мне Мелисса, когда мы с ней сидим на скамейке, прячась от солнца в тени яблони. Последние теплые деньки. Уж казалось мне, что не будет тепла. – Я его тоже слышу.

– Правда? – в который раз удивляюсь я Мелиссе.

– Да, духи часто говорят со мной.

– А что тебе сказала Маруся?

– Сказала, что скоро тебя покинет.

– Но... – пугаюсь я. Нет, я не хочу в это верить. – Как же так? Я еще не готова!

– Ее миссия тоже когда-то должна была закончиться. Но она будет наблюдать за тобой, только ты ее видеть не будешь.

– Ты правда хорошо ее расслышала? – с надеждой спрашиваю я. – Я не хочу прощаться. Она мой друг.

– Да, я еще не все рассказала, – с запинкой говорит девчонка. – Духов я слышу в последнее время, ведь скоро я тоже буду принадлежать их миру.

– Так быстро, – вздыхаю я. – Тебе же всего пятнадцать.

– Там мне будет лучше. Моей миссии тоже скоро придет конец.

– Как такое возможно? – спрашиваю я, чувствуя, как слезы подкатывают к горлу. Я уже успела привыкнуть к странной девчонке, которая как никто другой понимает меня. Для боль-

шинства я просто ведьма или прокаженная. Я смотрю в ее спокойные темно-серые глаза: – Я буду помнить тебя.

– Спасибо, что была рядом. Мы с Марусей за тобой присмотрим, – Мелисса улыбается впервые после того, как поселилась в нашем доме. Ее пребывание здесь затянулось на три недели. – Мир духов ближе, чем ты думаешь.

Поднимается ветер и срывает желтые листочки с яблоневого дерева, кружа их в воздухе. «Прощай, наша яблонька, – поют они, все дальше уносясь ветром. – Вот и наш час настал».

– Без Маруси будет сложно...

– Да, она твой друг, понимаю, – Мелисса переходит на шепот. Вздыхает.

Я чувствую чье-то присутствие, такое неуловимое. Присутствие того, кто дарит уверенность и уют. Опускаю глаза и вижу, как из кустов на меня смотрят желтые глаза Маруси: «Вот ты все и узнала, мр-р-р, – говорит она грустно. – Но я еще здесь. Проводи меня, моя хозяйка. Я буду помнить о тебе вечно, и когда-нибудь мы обязательно встретимся».

Вторая жизнь

До

Его крепкие жилистые руки сжимали ее тонкую шею. Казалось, что она вот-вот задохнется. Ей удалось в последний раз глотнуть воздуха, прежде чем грубые пальцы разжались и ее хрупкое тело упало вниз.

Напоследок она почувствовала, как ботинок с жесткой подошвой ударил ее по животу, она испустила воздух, и из груди ее вырвался стон.

– На, получай! – прозвучал надрывный голос. – Шлюха!

– Нет! – закричала она. – Это твой ребенок!

Резкая невыносимая боль пронзила ее внутренности. Девушка летела с обрыва, беспомощно хватаясь за округлившийся живот, в котором еще теплилась жизнь. Ее красноватые кудряшки закрыли ей глаза, и она перестала видеть насмехающееся лицо убийцы.

Она сорвалась в крик и раскинула руки в стороны, мысленно представляя вместо них два крыла. Она хотела бы воспарить и улететь далеко-далеко, но бездна уже была готова принять ее тело, открыв свои объятия.

Жгучая боль распространилась по всему ее существу, наполняя силой. Она всегда была полна силы, и теперь эта сила в ней удвоилась.

Она медленно превращалась в нечто невесомое и чувствовала запах соленой волны. Она уже перестала ощущать страх. Осталось лишь понимание того, что она вот-вот покинет этот мир, переступив черту между «до» и «после». Также она поняла, что в этой бездне уже давно.

Девушка больше не замечала течения времени, потому что оно остановилось в ее сознании, когда ее материальное тело столкнулось с гладью воды, похожей на бетонную плиту. А потом бетон стал мягким и пластичным, принимая ее в морское царство, утаскивая тело все глубже и глубже. Там не было солнца, а была лишь тьма и пустота, но также там не было сомнений и боли.

Ужас бытия отпустил ее, когда легкие наполнились холодной водой и она перестала чувствовать свои конечности, а потом и все части своего тела, которое теперь стало похоже на разбитую вазу, рассыпавшуюся на море кровавых осколков. Наступил покой.

После

Если вы пройдете сквозь небольшой лес вдоль полувysохшего ручья, а потом свернете направо перед большим ветвистым дубом, чьи корни на несколько метров выглядывают из-под земли, то вы увидите неподалеку, возле глиняного обрыва небольшое поместье.

Двухэтажный особняк с мансардными окнами и верандой, опоясывающей все здание, выглядел немного устрашающе для тех, кто видел его впервые: потрепанная кровля, обросшая мхом, каменная кладка, покрытая трещинами, которую облюбовал густой плющ. Но самым отталкивающим в этом доме был не старый запущенный фасад, а парочка каменных горгулий, расположившихся на парапете крыши. Казалось, что они здесь совсем недавно – прилетели отдохнуть от городской суеты.

Хозяева дома были вполне приветливыми и гостеприимными людьми, как о них отзывались местные жители. Вот только их считали немного не от мира сего.

Мистер и миссис Свит, а также их единственный сын, семнадцатилетний Дориан, проживали здесь вдали от остальных неслучайно.

Из-за странной болезни, которая настигла миссис Свит несколько лет назад, семья Свит редко встречалась с кем-то из жителей Грэйвиллидж. Миссис Свит вдруг стала невосприимчивой к солнечному свету и страдала от жутких видений, терзавших ее по ночам. А когда ее посещали видения, она просыпалась с громкими криками и еще долго не могла прийти в себя.

Тут, где было тихо и сумрачно, а также не было лишних глаз и ушей, семья жила в своей особенной гармонии, привыкнув к странным вещам, которые свалились на их головы.

Мистер Свит – военный на пенсии, все свое время проводил в саду, в котором разводил огромных африканских бабочек. Их куколки он однажды привез из одной горячей точки. Всю жизнь мечтая стать ученым, он частично удовлетворил свою духовную потребность, занимаясь этими прекрасными созданиями с пестрыми крыльями. Он держал их в огромных террариумах и периодически выпускал на волю. И они каждый раз возвращались в свои стеклянные дома, зная, что мужчина не причинит им зла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.